

Александр Скидановский

ПИСЬМО В ПЕРЕПЛЁТЕ

КОГДА ПРОШЛОЕ ПРЯЧЕТ СОКРОВИЩА,
БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ С ВЫБОРА

Тимур
и его команда

*Тимур! Смотри! Алмазы найдены!
Самые большие. Самые редкие.
Алмазы для короля! Алмазы для
короля! Алмазы для короля!
Алмазы для короля! Алмазы для
короля! Алмазы для короля!
Алмазы для короля! Алмазы для
короля! Алмазы для короля!
Алмазы для короля! Алмазы для
короля! Алмазы для короля!*

999.9
ЗОЛОТО
60.000г

ОДНО ПИСЬМО.

24 КИРПИЧА.

60 КИЛОГРАММОВ ЗОЛОТА.

**И ВСЕГО ОДНА ЖИЗНЬ —
НА ТО, ЧТОБЫ НАЙТИ ПРАВДУ.**

Александр Скидановский

Письмо в переплете

«Автор»

2026

Скидановский А.

Письмо в переплете / А. Скидановский — «Автор», 2026

Одно письмо. Двадцать четыре кирпича. Шестьдесят килограммов золота. Александр всего лишь хотел полистать старую книгу, купленную за десять рублей. Но в переплёте обнаружил письмо из прошлого — письмо, которое велели сжечь. Оно ведёт к старой школе, к кабинету 111 и к тайне, замурованной в стене ещё в послевоенном Кёнигсберге. Теперь ему нужно найти клад раньше, чем его странное поведение заметят другие. Хотя, кажется, заметили уже все: дети, учителя, сторожа и даже те, кому лучше вообще ничего не объяснять. Но главный вопрос не в том, где лежит золото. Главный вопрос — что делать, когда найдёшь то, что принадлежало мёртвым.

Александр Скидановский

Письмо в переплете

Письмо в переплёте

Александр Скидановский

Если книга зацепит, добавьте её в библиотеку — так она не потеряется, а автор увидит, что история нужна читателям.

Вместо предисловия

Говорят, книги делают человека богаче.

Обычно это метафора. Всякие там духовные ценности, кругозор, умение поддержать разговор и не выглядеть совсем уж пеньком.

Но иногда книга действительно может сделать человека богаче.

Особенно если куплена за десять рублей, пахнет старым клеем, разваливается прямо в машине, а внутри переплёта лежит письмо от человека, который перед арестом успел спрятать шестьдесят килограммов золота.

Вот тут, конечно, начинаются вопросы.

Что делать приличному человеку?

Сообщить куда следует?

Положить письмо обратно и сделать вид, что ничего не было?

Или всё-таки проверить, правда ли в стене старой школы замурованы двадцать четыре кирпича, которые совсем не кирпичи?

Глава 1. Книга за десять рублей

Я люблю книги. Такой вот у меня недостаток. В смысле — недостаток общения. Если человек проводит время с книжкой, значит, ему больше провести время не с кем. И фраза «мои лучшие друзья — книги» звучит немного печально. Но что есть, то есть.

Есть, конечно, люди, с которыми тебя сводит профессия. Каждый день божий сводит. А я работаю в торговле, и эти люди за день, мягко говоря, раздражают. Тут выход один: или книги, или животные, а лучше — и то и другое вместе.

Из недостатков у меня еще недостаток денег. Не то чтобы я бедный нищий. Нет. Просто, как у любого мелкого предпринимателя, каждая копейка в деле. В смысле — в товаре. И забрать наличку с кассы рука не поднимается. Да и продавцы не поймут. С поставщиками ведь они день-деньской общаются, делают заявки, им виднее, что заказывать и с кем рассчитывать. С моего, конечно, ведома, но на расчет налички вечно не хватает, и они уж как-то сами выкручиваются.

А книги стоят дорого. Поэтому побаловать себя покупкой интересной книжечки я не могу. Только на «Авито» или в магазинчике на Кутузова. Знаете такой? Там подержанные книги продаются. Все по десять рублей за штуку. Как макулатура. Хотя, по правде, макулатура и есть: старые и неинтересные.

Я иногда заезжаю туда, потому что по дороге домой и парковка удобная. Продавец там Анна Викторовна — немолодая уже интеллигентная дама, похожая на Шапокляк из мультика, только без крысы, надеюсь. Но со шляпой. Здоровается со мной как со старым знакомым и на вопрос: «Новое что-нибудь привозили?» — печально вздыхает и обводит рукой зал в книжных завалах.

- Что вы, Александр, а это куда девать?

Но сегодня я заглянул не зря. Вообще-то не собирался, но, проезжая мимо, увидел, как через вход какие-то люди заносят коробки. Значит, завоз.

Книги этот магазин приобретает или бесплатно, самовывозом, — в смысле, сами люди привозят, когда кто-то продает бабушкину квартиру, а выбрасывать на помойку библиотеку

жалко, — или совсем за минимальные деньги. Тоже, как правило, у людей, избавляющихся от старого жилья.

В магазине книги располагались на стеллажах и просто высокими стопочками на полу, образуя улочки и переулки. Новая стопка книг высилась в углу. Анна Викторовна выкладывала книги из коробок и, не рассортировывая, так стопками и строила очередной книжный Вавилон. Мужчинам, заносившим коробки, она быстрым тонким голосом говорила:

- Вот сюда, ребята. Вот сюда, пожалуйста.

Мужчины, судя по лицам, слово «пожалуйста» слышали нечасто и, пыхтя, отвечали:

- Последняя коробка — и шабаш.

Потом происходил расчет. Анна Викторовна со вздохом отдала им какие-то деньги и сказала мне:

- Выбирайте, Александр. Много детских, кстати. Я знаю, вы любите.

Мужики, занесшие книги, с удивлением поглядывая на меня, вышли из магазина, и мы остались с Анной Викторовной тет-а-тет. Она, как всякий интеллигент, любила употреблять французские словечки, хотя, может, и язык знала — не удивлюсь.

Короче говоря, я порылся в новой книжной куче и выбрал «Оливера Твиста» и «Тимур и его команда». Книги моего детства. Даже вспомнилась обложка. Посмотрел на год выпуска — так и есть: 1952-й, почти раритет. По десять рублей платить у меня, правда, совести не хватило, и я, отдав сторублевку, сказал: «Сдачи не надо», попрощался и вышел.

На улице начинался дождик. Обычная наша прибалтийская погода. Я люблю дождь всё-таки. Не мокнуть, конечно. Приятно сидеть и слушать, как он тарабанит по крыше: что дома, что в машине. Пока было время, решил остаться на стоянке около магазина, откинуть сиденье и полистать покупки. Потом поеду.

Начал с «Тимура». Читать я ее, конечно, читал еще в детстве, и не раз, но все равно приятно. Старые книги имеют какой-то неповторимый запах: клея, библиотеки, школьного класса — короче, чего-то из детства. Плохо, что шрифт тогда был, конечно, ужасный. И бумага не очень. Семьдесят лет прошло, чего я хочу. Хорошо хоть переплёт выдержал.

Начав листать, я, конечно, накаркал. Переплет выдержал, а вот склейка страниц — нет. Несколько листочков тоненькой стопочкой выскользнули из книги и рассыпались на полу машины.

- Вот черт.

Нагнувшись, все собрал. Надо будет дома склеить. Ремонтировать книги я уже привык и почти профессионально стал осматривать переплёт. Интересно: внутри переплёта была свернута какая-то бумага. Протолкнув ее вначале пальцем, а потом подцепив ручкой, я вытащил скрученную трубочкой и перемотанную ниткой пожелтевшую бумажку, исписанную мелким почерком.

Глава 2. Письмо из прошлого

Письмо из прошлого. Наверное, кто-то в школе еще спрятал. Аккуратно порвав нитку, я с любопытством стал читать. Только не надо говорить, что читать чужие письма нехорошо. Во-первых, покажите мне хоть одного человека, который не станет читать чужое, а потому и интересное письмецо. А тем более — из прошлого.

Прочитав один раз, я полез в сумку. Там у меня, так сказать, дежурная аптечка. Когда вам стукнет сорокет и все эти сорок лет вы здоровье только тратили, то, хочешь не хочешь, а лекарство от стенокардии надо держать при себе. А сердечко у меня заколотилось как у воровья. У того вроде пульс под двести.

И не удивительно. Положив под язык таблетку, я устроился поудобнее и еще раза три перечитал письмо. Почему — сейчас поймете. Вот оно.

Почерк разборчивый, написано, видно, химическим карандашом, а не чернилами: буквы совсем не расплылись. Листочек обычный, в клетку, со старомодными красными полями. На

самом верху, крупнее, чем весь текст, прямо посередине было написано: «Здравствуй, мой дорогой сынок Тимурчик».

* * *

Здравствуй, мой дорогой сынок Тимурчик.

Если ты читаешь это письмо, значит, все произошло так, как я сейчас и думаю. Но, может, оно к лучшему. Главное, что ты это читаешь.

Я, видимо, уже далеко от тебя и надолго. То, что меня арестуют, пока ты в лагере, — и хорошо, и плохо. Хорошо, что ты этого не увидишь, а плохо, что я не смогу тебя напоследок обнять и попрощаться. Мы, скорее всего, больше не увидимся. Если меня арестуют, то тюрьма мне неизбежна. И, увы, надолго. И далеко от тебя. Но не печалься. Такая жизнь. Я буду тебе писать оттуда.

Но то, что скажу сейчас, написать потом я не смогу. Там строгая цензура. Поэтому прочитай внимательно, а потом обязательно письмо уничтожь. Лучше сожги. Только не на керосинке в квартире, а во дворе.

Я оставляю тебя одного. Мачеха Наталья неплохая, но надежды на нее у меня большой нет. Она тебя, скорее всего, отдаст на следующий год в фазанку учиться, там общежитие. И не спорь. И в армию обязательно сходи. Твоя задача — подрасти несколько лет без приключений, а потом сделать то, что я тебе сейчас напишу.

Как ты помнишь, я рассказывал, что в сорок пятом здесь, еще в Кенигсберге, я вывозил из лагеря для заключенных разные грузы. Немцы в этих лагерях собирали все. Даже тряпки старые с покойников отдельной горой хранили. А еще у них было много золота: кольца, сережки, цепи, даже зубы. Все с людей бедных снимали. Нам, помню, рассказывал один, что если немцы коронку во рту найдут неучтенную — все, конец человеку.

Так вот, золота было три больших ящика. Я как водитель и двое из спецотдела перевозили из лагеря и архив, и оружие, а когда разрешили, то и золото это повезли в банк. А по дороге они меня, как я понял, хотели шлепнуть, спрятать и как-то на меня свалить пропажу ящиков. Дескать, я угнал и машину, и груз куда-то — ищи-свищи.

Да я не дурак. Это они всю войну в штабе просидели, а я смерть видел десятки раз. Короче, не вышло у них. А у меня так вышло, что взял я грех на душу и застрелил обоих. Их же пистолетом. Потом машину утопил, а ящики схоронил в лесу. Этих в машине оставил. Озеро глубокое, думал — не найдут.

А себя стрельнул через буханку: так на фронте самострелы некоторые делали. На попутке меня подобрали солдатики, и я попал в госпиталь. А там из штаба быстро прибежали. Следствие было, и решили они, что я не вру. А эти двое, мол, меня стрельнули и сами на машине укатили с этим золотом. Тогда такие случаи тут нередкие были.

Короче, после госпиталя, как оклемался, я машину только получил и поехал: эти ящики выкопал, забрал. Боялся продавать с рук золото это. В чулане хранил, под дровами. А потом нам с матерью квартиру нашу дали и кладовку уличную.

Ты помнишь, наверное, как я в гильзе паяльной лампой плавил? Говорил тебе, что медь для вкладышей. Переплавил я все золото это и сделал кирпичи: синей глиной обмазал, обжег лампой. И они у нас хранились, помнишь, в кладовке, в стене. Двадцать четыре штуки. Шестидесят килограммов ровно.

А тут летом, как ты в лагерь уехал, машину рыбаки нашли в озере. Подняли ее со дна, и трупы определили: застрелены. К следователю вот вчера вызывали. Думают, что я помог им бежать, а их кто-то, с кем они в сговоре были, поубивал. На меня, что я золотишко забрал, не думают. Так и сказал: «Ты бы уже продавать начал давно, не удержался». А вот что помог бежать этим — подозревают. Так что на десяточку на Север поедешь, следователь мне сказал. Готовься, мол. И подписку о невыезде выдал. Я бы к тебе хоть на часок смотался, попрощался да рассказал, где золото сейчас, так нельзя.

Главное, сынок, ты его сейчас не трогай. «Жадность фраера сгубила», говорят не зря. Если бы я тогда не пожадничал, а сдал бы государству этих покойников с машиной и ящиками, то всё равно получил бы награду. И в тюрьму сейчас не отправлялся бы.

Поэтому ты в армию сходи, а как только вернешься — займешься этим золотом. Там что с ним делать, сам сообразишь. Только я тебе советую: золото это с людей несчастных снято и имеет на себе этот груз. Отдай половину или больше куда-нибудь, себе оставь меньшую часть. Может, горя и не принесет золотишко это тебе. Все с умом только делай.

Меня, наверное, не будет уже, так не горюй. Я пожил и тебя вырастил. Матери могилку хорошую справь. Она у нас молодец была. Про золото, кстати, ни один человек не знает. Я ей даже перед смертью не стал рассказывать.

Теперь слушай. Золото в кирпичах я перевез на стройку этим летом, где сейчас работаю. Школу строим. Ты ко мне, помнишь, прибежал, обед приносил? Так вот, в той комнате, где я кладку делал, я в средний ряд все двадцать четыре кирпича сложил. Это на века. Школу сносить никто не будет. Прележат сколько надо. А тебе после армии туда устроиться придется. И там сам разберешься уже. Только не торопись, все продумай.

Ну, прощай, Тимурчик мой. Увидеть я тебя еще увижу — на суд, наверное, мачеха тебя приведет попроситься, так я тебе шепну, что в книге письмо. А если не получится сказать, надеюсь, что сам найдешь. Ты читать любишь. А я тебе постараюсь намек передать.

Письмо, повторяю, уничтожь и на несколько лет забудь. И самое главное: расскажешь, похвастишь кому, особенно девке какой, — все пропало тогда. Запомни это.

Ну, прощай.

Твой папа.

* * *

Глава 3. Родовое поместье в Италии

На этом письмо заканчивалось. Исписан был листок с обеих сторон. Судя по тону, он бы и еще что написал, да бумага закончилась и, видать, не стал.

Мне лучше всего думается, когда я хожу или еду. Я завел машину и поехал просто по кругу, собраться с мыслями.

Письмо, видимо, не прочитано: не уничтожено и в книге так и лежит. Отец этот, наверное, сел, и если бы был жив и здесь, в Калининграде, письмо-то уж достал бы. Видать, и правда помер где-то на Севере, а сынок этот Тимур так, ничего не зная, и прожил с книгой.

Кстати, что за школа, которую строил этот отец? Год выходит пятьдесят шестой. Не очень много тогда школ строилось. А может, не новую, а ремонтировали? Хотя нет, он же пишет: строил, кладку делал. И в Калининграде — сын ему обед как-то носил. Не в область же он с узелком бегал.

То, что я займусь поисками, я понял сразу. Надо сказать, особенным везунчиком я себя не ощущал. Живу один, смешно сказать, бобыль бобылем. А кому не везет в любви, тому, как говорится, где-то должно повезти. А может, этот клад давно нашли? Надо как-то узнать. Может, в архивах газет? Шутка ли — шестьдесят килограммов золота. Это сколько в деньгах? Миллионы? Или даже миллиарды? Шум немаленький должен был быть.

В Калининграде то и дело находят клады, и СМИ смакуют это с удовольствием. Недавно вот читал: бочку железную с фарфором каким-то редким откопали на перекрестке дорог. Это, видать, немцы, когда их депортировали, прятали. С собой только тюк с барахлом брать разрешали, а все остальное оставить. Так я читал: перед отправкой каждую ночь по всей области фонарики мерцали да лопаты скрипели. Люди надеялись вернуться и ценное припрятавали в заметных местах.

А здесь не кружка фарфоровая. Здесь, блин, родовое поместье в Италии где-то светит. Мечты сладким медом залили голову. Я люблю помечтать. Дурак думками богатеет.

Глава 4. Педагогический диплом

Надо составить план, что делать вначале. Найти эту школу и, как папаша советовал Тимуру, устроиться туда кем-то. У меня, к слову сказать, профессия как раз учитель. В нашем северном городе, где мы с сестрой заканчивали школу, было два учебных заведения: нефтяной техникум и педучилище. Ни то ни другое меня не манило, но нефтяник тогда котировался как сейчас дворник. А работать в грязи на буровой, на морозе, в минус пятьдесят я не хотел. В школе как-то потеплее.

В общем, диплом пылился дома уже двадцать лет. И, кстати, стаж небольшой даже был: сразу после учёбы мы с другом год отработали в школе. Он началку вел, а я физруком пошел.

Глава 5. Собеседование без невесты

В школу на собеседование я пришел, как и договаривались по телефону, к одиннадцати часам.

Понимая, что первое впечатление самое важное для того, чтобы меня пустили к детям, я стал выбирать, кем мне прикинуться: или добрым дураком Леопольдом, или строгим тренером.

Да, не знал я тогда, что меня взяли бы, даже если бы я пришел в костюме Пьеро из «Буратино». Мужчина — редкость в школе, а не сильно старый так вообще находка.

Собеседование прошло на удивление моментально. Директор и два заместителя хотели узнать, сидел ли я в тюрьме и, если сидел, то за что и сколько. Узнав, что нет, и к тому же имею педагогическое образование и стаж, и почему-то не спрашиваю про зарплату, они буквально выдрали документы у меня из рук, моментально состряпали договор и, когда я подписал его, как-то похоронно переглянулись друг с другом и улыбнулись хорошей, отрепетированной улыбкой уже мне.

- Добро пожаловать, так сказать, в наш добрый, дружный, профессиональный коллектив.

Сказано все было очень торжественно и походило на церемонию бракосочетания. Только без невесты.

Я пожал им руки и, узнав, что в школе меня ждут уже тридцать первого августа, распрощался.

В общем, вот так я попал в школу после почти двадцатилетнего перерыва.

Такая вот переменка. Только вроде прозвенел последний звонок, ты стоишь счастливый и фотографируешься с одноклассниками, а потом — бжик! — и двадцать лет куда-то пронеслись. Причем пронеслись так быстро, как будто они эти годы сдавали кросс или бег какой-нибудь на оценку. Стометровку, например.

Ну а в общем, пронеслись и ладно.

Глава 6. Первый звонок не с той стороны

И вот я опять в костюме, стою на праздничной линейке, посвященной первому сентября. Только стою я не с той стороны, где все в бантиках и цветочках, а напротив. Среди шеренги незнакомых мне пока что торжественного вида коллег-учителей, предметников и многочисленной администрации.

И меня никто не хлопает по плечу и не орет в ухо:

- О, здорово, Кабан!

Или:

- Привет, Санек! Ничего ты вымахал за лето!

Нет, ко мне если и обращаются, то пока что завучи:

- Александр Владимирович, вы не могли бы навести порядок вон в той шеренге, где третьи классы стоят? Видите же, что классные учителя не справляются.

Я послушно иду в ту сторону, куда показывает пальцем завуч, и становлюсь в строй к третьеклассникам.

Как их успокаивать и от чего — я не знаю. Стоят вроде дети и стоят. Ну, переговариваются негромко. Понятно, лето не виделись.

Но третьеклассники сразу, как я подошел, замолкают, и я ловлю на себе их немного испуганные взгляды. Рядом со мной останавливается их классная руководительница и шепчет мне:

- Спасибо, что подошли. Они сразу успокоились.

Я так же шепотом спрашиваю у нее:

- Мне кажется, они меня боятся.

Она согласно кивает головой и говорит:

- Ну да, конечно. Они, видимо, боятся, что вы будете их новым классным руководителем.

Тут ко мне подходит другая завуч и недовольным голосом озвучивает:

- Александр Владимирович, учителя без классного руководства у нас, если вы не заметили, стоят перед торжественным строем. Встаньте, пожалуйста, где вы должны стоять.

И тоже показывает пальцем туда, откуда я только что пришел.

Я не спорю и возвращаюсь.

Выступает директор. Она говорит красивые слова, которые слышали еще дедушки и бабушки собравшихся здесь первоклассников, когда сами были учениками. Заиграла песня, сочиненная с тех же примерно времен.

Дети уже наговорились друг с другом и рассматривают стоявшую перед ними когорту преподавателей. Особенно новеньких. До меня доносятся обрывки разговоров.

- А вон тот кто?

Это спрашивает громким шепотом какая-то девочка подругу.

- Который?

- Да вон. С ушами.

- А это физрук новый.

Потом я слышу еще раз что-то про нового физрука и его уши.

Изо всех недостатков моей внешности на уши я никогда не обращал особого внимания. А тут не вытерпел и, сделав таинственный знак рукой стоящей во главе нашей линейки учителей завучу, я быстренько сматываюсь в фойе школы, где висит зеркало.

Там я рассматриваю свои уши и не вижу в них ничего особенного. Уши как уши. Два. Без сережек, одинакового, в общем, размера. Цвет, правда, красный, но это можно списать в честь праздника.

Ничего не поняв, возвращаюсь на линейку.

Теперь я внимательно прислушиваюсь к отрывкам разговоров детей, и стоящий сбоку от меня седьмой класс мне слышно очень хорошо. Там тоже обсуждают учителей.

Говорят опять две девочки. Причем переговариваются они друг с другом, не поворачивая головы и смотря с милой улыбкой прямо перед собой.

Одна говорит другой, мол, какая-то Эллочка обещала не вернуться, но вернулась все же, стерва.

Вторая соглашается:

- Ага.

- А это кто? — спрашивает эта же девочка. — Вон та новая, что надушилась освежителем туалетным, что ли. Аж сюда воняет.

- Это вроде русичка новая.

- А это кто, вон с лицом тупым? Физрук, что ли?

- Ага, физрук. И, представляешь, говорят, он из этих... светло-синих. От зеркала не отходит.

После услышанного я становлюсь цветом вначале действительно светло-синим, потом ярко-красным.

В голове одно желание — выскользнуть за ворота, добраться до машины и никогда сюда не возвращаться. Но это невозможно. Мои документы в сейфе у директора. И я понимаю, почему мне сразу озвучили, что увольняться только после двухнедельной отработки.

Тут опять громкая музыка. Счастливая первоклашка на плечах амбала — неужели он тоже школьник? — всюду машет колокольчиком так, что он вот-вот вылетит из ее ручонки, и звенит сильнее, чем у тройки почтовых лошадей.

Все хлопают. Первокласники с цветами и рюкзаками заходят в школу первыми. Родители вытирают слезы. Некоторые учителя тоже.

Я ни одной скупой слезинки из себя выдавить не смог и зашел в школу так. Просто последним за всеми.

Тут меня дергает кто-то за рукав. Я оборачиваюсь и вижу ребенка с большим букетом, который, заглядывая в бумажку в руке, что-то спрашивает у меня:

- Вы физрук?

- Да, — отвечаю я.

Ребенок сует мне молча букет и, не говоря ни слова, убегает.

Я с букетом в руках хожу-брожу по коридорам, не знаю, что мне делать, и чувствую себя в костюме и с букетом каким-то женихом на свадьбе, который потерялся.

Во всех кабинетах начался первый урок. Во всех, кроме физры.

Тут меня осеняет, что теперь у меня же есть в распоряжении помещение площадью с большой пустырь, и я иду туда.

Глава 7. Димон и ключи от спортзала

Там я встречаю невысокого мужичка, тоже стоявшего с букетом под мышкой и, нагнувшись, ковырявшегося в замке двери.

Увидев меня, он обрадовался:

- Ты Саня, новый физрук? А я Димон, тоже физрук новый. Я думаю: где ты, где ты.

Он крепко жмет мне руку.

- Давай зал открывать. Тут что-то замок не фурычит.

У него в руках целая связка ключей, которые он взял на вахте с бирочкой «спортзал». Замок в двери один, видно, что деланный-перделанный, но ключей много и все разные.

Потом выяснилось, что один ключ от зала, еще один от тренерской, там еще от сейфа с автоматом. И еще два — от раздевалок: девочки и мальчики.

Разобравшись с замками, мы заходим в зал и тренерскую знакомиться с обстановкой и друг с другом.

Димка, как он себя представил, был человеком лет за сорок и, кстати, с поломанными ушами. Борец, наверное, подумал я и вздохнул облегченно: так вот про кого говорили про уши.

А потом вспомнил про тупое лицо и подозрения с ориентацией и взгрустнул.

Димка оказался веселым оптимистом. Он уже имел стаж. Работал в большой школе и перешел специально в эту.

- Тут народу поменьше, в смысле администрации всякой, и работать легче будет, — сказал он и, как потом выяснилось, ошибся.

В школах оказалось: чем меньше детей, тем больше начальства.

Димка был бывшим мастером спорта по дзюдо и еще играл по молодости в футбол за какой-то региональный клуб. Потом лихие девяностые закружили его в мутные воды бизнеса, из которого он еле вывернулся без судимостей, но со шрамами на теле.

Все это он успел мне выдать буквально за первые двадцать минут общения. И успел еще добавить:

- Теперь нам надо, Саня, здесь карьеру делать. Денег на свободе, — почему-то так он выразился, — сейчас непросто сделать. Так что вон наши деньги бегают.

И показал на носящихся, как при броуновском движении, школьников.

Я карьеру никакую делать, тем более здесь, не хотел, но говорить ему об этом, конечно же, не стал. А он, наоборот, распланировал все четко:

- Год-два физруком отишачим, — увлеченно рассуждал он, открыв железный шкаф-сейф с инвентарем и разглядывая содержимое, — потом заучем немного, а там директором.

Он с грохотом захлопнул двери ящика и, повернувшись ко мне, добавил слова Высоцкого:

- А там, глядишь, и до министра дорастешь. А, Санек?

И весело мне подмигнул.

Ну а пока Дима был весь в радужных мечтаниях и осматривал наш кабинет, я отправился опять побродить по школе.

Моя основная задача — не забыть бы — начать, так сказать, с себя поколение мульти-миллионеров.

Глава 8. Школа на машине времени

Школа и школьные кабинеты прямо как на машине времени моментально вернули меня в детство.

Даже шум этот и специфический школьный запах, который бывает только в школе, где пахнет то ли мелом на доске, то ли журналами с оценками и учебниками, а может, и тряпками, которыми моют доски и которыми мы бросались друг в друга на переменах, — все это напомнило мне мои дальние детские годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.